
Слава Зорина
Доктор на мостике
КУРС НА СЧАСТЬЕ

Слава Зорина

Доктор на мостике. Курс на счастье

«Автор»
2026

Зорина С.

Доктор на мостике. Курс на счастье / С. Зорина — «Автор», 2026

— Ты скрыла от меня сына, Ульяна. Двадцать лет я жил, думая, что у меня никого нет. А в это время мой — Андрей осекается.— Ты сам ушел, Волков! Твоя мать принесла мне записку, ты назвал меня ошибкой! — я почти кричу, сдерживая рыдания. — Я не скрывала, а просто растила без отца, которому он не нужен.— Ошибкой? — он делает шаг ко мне, смотрит сердито. — Я искал тебя два года, Уля. Моя матьК нам уже спешит мой... наш сын — копия отца, от роста до привычки потирать переносицу, замирает у двери. Операция «Попутный ветер», которую он затеял, чтобы свести нас, кажется пошла не туда.

© Зорина С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Слава Зорина
Доктор на мостике. Курс на счастье

Глава 1

Ульяна

Кофе остыл двадцать минут назад. Я знала это точно, потому что двадцать минут назад привезли мальчика с переломом и мамой, кричащей громче сирены «скорой». Пока успокоила маму, пока осмотрела мальчика, пока вызвала травматолога и заполнила карту, кофе превратился в то, во что он всегда превращался на моих дежурствах: в холодное коричневое варево. Но я все равно допила в три глотка, не чувствуя вкуса.

Вторые сутки… Тридцать шесть часов без сна, если быть точной. Городская клиническая не то место, где считают часы. Здесь считают пульс, давление, капли в капельнице и койки, которых вечно не хватает.

Мне сорок лет. Я врач-терапевт высшей категории и я смотрю на себя в зеркало над раковиной ординаторской. Зеркало маленькое, мутное, в крапинку, как и положено зеркалу в больнице, где последний ремонт делали при президенте, которого половина ординаторов уже и не помнит.

Из зеркала на меня в ответ смотрела женщина, которую я не сразу узнала. Темные волосы были собраны в хвост, под глазами пролегли тени, халат уже измялся.

— Северина, ты красотка, — сказала своему отражению. — Хоть сейчас на глянец, куда-то из серии «Выгорание и как с ним жить».

Из коридора крикнули:

— Ульяна Константиновна! Третья палата, бабушке Зинаиде плохо!

Бабушке Зинаиде было плохо третий день подряд. У бабушки Зинаиды было плохо с давлением, сахаром, с тазобедренным суставом и характером. Но я пошла, потому что так работают врачи в городских больницах: идешь, когда зовут, даже если ноги уже почти не несут, даже если в голове туман и единственное желание – лечь на кушетку в ординаторской и уснуть.

Н-да, бабушка Зинаида выглядела бодрее меня. Давление скакнуло — скорректировала. Сахар чуть выше нормы — записала. Сустав болит — еще бы, в семьдесят восемь лет все болит, и сустав не исключение.

— Доченька, — она поймала меня за руку, — а ты замужем?

— Нет, Зинаида Петровна.

— А чего это?

— Не сложилось.

— Красивая же девка! Глаза вон какие. Кареглазая, темноволосая, мужики ж должны штабелями...

— Зинаида Петровна, вам отдыхать надо.

— Мне замуж тебя надо! Вот у меня внук есть Сереженька...

Я улыбнулась. Глядите-ка, первый раз за сутки и то благодаря бабе Зинаиде, решившей устроить личную жизнь всего терапевтического отделения.

Вернувшись в ординаторскую, я с блаженством уселась на стул, вытянула ноги и закрыла глаза. Тишина… две минуты тишины, пожалуйста, только две...

Телефон зазвонил. На экране высветилась фотка Кирилла: улыбка до ушей, курсантская форма… Мой мальчик, мое главное достижение, лучшее, что есть в моей жизни.

— Кир, — я подняла трубку и почувствовала, как расслабились плечи. Голос сына действовал на меня как те капельницы, которые я ставила пациентам: мгновенно, в кровь, по всему телу.

— Мам, привет! Ты на дежурстве?

— Угадай.

— Значит, на дежурстве. Мам, ты вообще когда-нибудь не на дежурстве?

— Теоретически по вторникам. Но это неточно.

Кирилл засмеялся. У него смех, от которого хочется улыбаться — заразительный, теплый, мальчишеский. Ему двадцать, а для меня смеется как в пять лет, когда я щекотала его и он визжал на весь двор. Голос, правда, давно не мальчишеский — низкий, мужской. Я до сих пор иногда вздрагиваю, когда он звонит, настолько голос моего сына не совпадает с голосом ребенка, который живет в моей памяти.

— Мам, у меня дело.

— Ты сыт?

— Мам.

— Ты выспался?

— Мам!

— Ладно, ладно. Какое дело?

Он набрал воздуха, я слышала это по телефону, этот его вдох перед чем-то важным, он так делал с детства: перед контрольной или первым прыжком с вышки, и перед словами «мам, я поступил в мореходку» тоже был вот такой же вдох.

— Короче, тут такая история. У нас на лайнере, ну, куда меня распределили на практику, врач свалился. Аппендицит, прямо на борту вырезали, списали на берег. Рейс через неделю, а судового врача нет. Кадровики с ума сходят, найти толкового терапевта, который согласится на три недели в море, да еще в конце апреля, когда все работают...

— Кирюш, к чему ты...

— Я скинул им твое резюме.

— Ты — что?

— Не злись! Выслушай сначала. Я скинул резюме, они посмотрели, и ты им подходишь идеально. Опыт, квалификация, категория — все. Они хотят тебя. Три недели, мам, Средиземное море, маршрут — Сочи, Стамбул, Греция, Италия, Хорватия и обратно. Зарплата — сама сядешь.

— Кирилл...

— Сто восемьдесят тысяч за рейс. Плюс проживание, питание, все включено. Каюта отдельная, с иллюминатором.

Я открыла рот. Закрыла. Сто восемьдесят тысяч за три недели на корабле. В Средиземном море. Почти что отпуск…

— Кирилл, я не могу просто взять и уехать. У меня пациенты, график, Зинаида Петровна в третьей палате...

— Мам, я уже поговорил с Натальей Игоревной.

— Ты — что?!

— Она сказала: «пусть едет, я прикрою, этой дуре давно надо в отпуск, пока она сама к нам в палату не легла».

— Она так сказала?

— Слово в слово.

Я потерла переносицу. Привычка закрепилась в юности, и теперь была автоматическая, неосознанная. Я знаю, что точно так же потирает переносицу мужчина, которого я не видела двадцать лет. И что мой сын, когда волнуется, делает то же самое. Три человека, одинаковый жест...

— Кирюш, это все очень... неожиданно.

— Мам. Ты последний раз отдыхала когда?

— Я...

— Давай конкретно, год и месяц?

Я не смогла вспомнить… Позапрошлое лето? Нет, позапрошлым летом подменяла Наташку, у которой дочка болела. А прошлым? Прошлым подрабатывала в частной клинике, потому что Кирилл поступил и нужны были деньги на форму, учебники...

— Вот, — сказал Кирилл, услышав мое молчание. — Вот именно. Ты пашешь без перерыва, осунулась. У тебя мешки под глазами, и не спорь, я по видеозвонку вижу. Мам, тебе всего сорок, а ты живешь как будто тебе шестьдесят и у тебя ничего впереди, кроме больничного коридора.

Это было больно. Больно, потому что правда.

— Это и работа, и отдых, — продолжал Кирилл, и голос его стал мягче, тот самый голос, которым он в шесть лет говорил «мамочка, не плачь, я тебе нарисую кораблик». — Море, солнце, Греция, Италия. И я буду рядом, ты же хотела посмотреть, как у меня на практике. А тут вот, пожалуйста. Одним выстрелом...

— Не надо про выстрелы. Я врач, у меня от этого слова рефлекс.

Море...

Я не была на море... давно. Нет, я ездила раз или два с маленьким Кириллом, на пересоленный анапский пляж, где за лежак дерут как за люкс, а в столовой макароны с сосиской. Но на настоящее море, большое, открытое и без горьких воспоминаний не была с Севастополя. До сих пор у меня перед глазами стоит набережная, причал, мятый тест и записка, и я не могу подойти к морю и не вспомнить.

— Ладно.

— Ладно это да?!

— Ладно, я подумаю.

— МАМ!

— Хорошо. Ладно, да. Да, Кирилл. Я поеду.

Он издал победный клич, да такой, что я отодвинула телефон от уха. В ординаторскую заглянула медсестра Лена:

— Ульяна Константиновна, у вас все в порядке?

— Да, Лен. Я в круиз еду.

Я не спросила название корабля, маршрут Кирилл сказал, и ладно. Не спросила, кто капитан.

Кто ж мог знать, что именно эти вопросы были самыми важными!

***

Кирилл

Я положил трубку и выдохнул. Мать согласилась.

Достал телефон и открыл галерею. Пролистал до папки, которую не показывал никому.

Там была перефоткана старая, бумажная фотография. Мама молодая, двадцатилетняя, загорелая, в легком сарафане. Рядом высокий парень в морской форме, оба смеются. Набережная Севастополя, лето, чайки и море…

На обороте бабушкиным почерком: «Улька и Андрей. Севастополь. Лучшее лето.» Бабушка показала мне эту фотографию за месяц до смерти. Сидела в кресле, перебирала альбом и вдруг остановилась:

— Кирюшенька... Жаль, что ты так и не познакомился с папой. Он хороший был мальчик. Моряк...

Она сказала это тихо, рассеянно, как говорят старые люди, когда путают, что можно говорить, а что нельзя. Мать никогда не рассказывала об отце. Ни слова. В графе «отец» у меня в

свидетельстве был прочерк. На все мои вопросы неизменно выдавался ответ: «Его нет, Кирюш. Давно нет. Не ищи.»

А я искал. Год искал. Форумы ВМФ, базы выпускников, соцсети ветеранов. «Андрей, Севастополь, моряк, примерно 2003–2005 год». Негусто…Но хватило.

Воликов Андрей Викторович, бывший капитан второго ранга, сейчас капитан круизного лайнера «Северная Звезда», компания «Морские горизонты». Порт приписки Сочи, маршрут — Средиземноморье.

Я нашел его фото на сайте компании. Глаза у нас были одинаковые, да и вообще, как будто кто его под ксерокс пропустил… Бывает же такое…

Я решил не спешить. Не написал ему тут же, и не звонил. Ждал, думал. Планировал, как учили: изучи обстановку, просчитай курс, учти течения и ветер, и только потом отдавай команду.

Практику на «Северную Звезду» я выбил сам, через куратора и запрос в компанию. Никто не заподозрил. Курсант Северин хочет на престижный лайнер? Отличник, между прочим. Пусть идет.

А когда судовой врач слег с аппендицитом я понял: вот он, момент. Ветер попутный. Пора.

Хмыкнув, я открыл мессенджер с нашим групповым чатом на три человека, однокурсники, посвященные в план.

Набрал:

«Мать согласилась. Операция "Попутный ветер" — старт.Через неделю она будет на борту.»

— Ладно, — сказал я, обращаясь к фотографии. — Ладно. Справимся.

Глава 2

Ульяна

Я увидела его раньше, чем корабль.

Нет, не его. Корабль я увидела раньше, чем все остальное. Просто потом, когда я буду прокручивать этот день в голове, а я буду, ночами, до дыр, мне будет казаться, что первым я увидела именно его. Но это неправда. Первым был корабль.

«Северная Звезда» стояла у причала, хотя «стояла» совершенно неправильное определение для этой махины. Она не стояла, скорее возвышалась и нависала. Она заслоняла собой полнеба, и я, задрав голову на сочинском причале с чемоданом в руке и сумкой через плечо, почувствовала себя совершенно крошечной, песчинкой буквально!

Двенадцать палуб, белоснежный борт, ряды иллюминаторов…Три тысячи пассажиров и тысяча экипажа, мне Кирилл говорил, но одно дело озвученная цифра, а другое — все вот это, живое, грохочущее, шумное и суетливое. Вокруг сновали люди: грузчики катили тележки, пассажиры тащили чемоданы побольше моего, экипаж был занят подготовкой к отплытию и распределением гостей.

— Мам!

Я нашла глазами спешащего ко мне сына. Он шел ко мне при полном параде, в курсантской форме, и земля качнулась у меня под ногами, хотя я еще стояла на причале, а не на палубе. Форма на нем сидела так, будто он в ней родился. Темные волосы коротко подстрижены, воротник застегнут, ботинки начищены. Мой мальчик, который вчера, кажется, рисовал кораблики фломастерами на обоях, стоял в форме и выглядел так, что я одновременно хотела расплакаться от гордости и ужаснуться тому, насколько он сейчас был похож на своего отца!

— Кирюш...

Он обнял меня крепко, по-мужски, приподняв над землей. Раньше я его так поднимала. Теперь он выше меня на голову…

— Мам, ты как? Нормально долетела? Ты чего такая бледная?

— Я всегда бледная. Я больничный житель, а не постоянный клиент солярия.

— Ну вот, — он подхватил мой скрипучий чемодан, — три недели, и будешь загорелая. Пошли, я тебе все покажу.

Мы пошли к трапу. Кирилл болтал без остановки: про корабль, маршрут, про то, что бассейн на верхней палубе с подогревом, а в ресторане шведский стол, и повар итальянец, настоящий неаполитанец, так что паста у него «мам, ты умрешь». Лайнер изнутри оказался еще круче, чем снаружи. Многоэтажный атриум с хрустальной люстрой, мраморный пол… а возможно что-то очень на него похожее, стойка ресепшн, как в люксовом отеле. На огромном экране приветственная заставка с видами Средиземноморья и текст: «Добро пожаловать на борт «Северной Звезды»! Капитан и экипаж рады приветствовать вас!»

Под текстом — фотография самого капитана, но в тот раз я ее не увидела, потому что Кирилл уже тянул меня за рукав: «Мам, пошли, лазарет внизу, на третьей палубе, тебе понравится, там все новое», — и я шла за ним, и не оглянулась на экран.

Вот если бы оглянулась… у меня был бы шанс сбежать, трап еще не убрали, да и берег был рядом... Я могла бы спуститься, поймать такси, уехать в аэропорт и через пять часов сидеть в своей ординаторской, пить холодный кофе, и слушать, как бабушка Зинаида сватает мне внука Сереженьку.

Но я не оглянулась и все пошло не по плану, вернее, по плану, но не по моему!

Лазарет располагался на третьей палубе и состоял из двух кабинетов, процедурной, изолятора на четыре койки и аптеки с кодовым замком. Небольшой, но оснащенный на уровне хорошей поликлиники, а кое в чем даже лучше. Я по достоинству оценила новенький дефи-

бриллятор, еще в пленке. Портативный аппарат ЭКГ последнего поколения, кислородные концентраторы...

Я прошлась по кабинету, провела пальцем по поверхности смотровой кушетки, открыла аптечный шкаф…

— Вы наш новый врач?

Из-за двери высунулась девушка. Светлые волосы у нее были собраны в пучок, на милом кругленьком личике сияли восторгом большие серые глаза.

— Ульяна Константиновна, — я протянула руку.

— Оля! Ой, Ольга Дмитриевна, но все зовут Оля, и вы зовите, пожалуйста, а то я чувствую себя какой-то старушкой. — Она пожала мне руку двумя ладонями, крепко, и затрясла так, как будто коктейль в шейкере смешивала, честное слово. — Я медсестра. Господи, как я рада, вы даже не представляете! Я тут одна с фельдшером Борисычем, а у него радикулит и настроение как у бассет-хаунда, а пассажиры знаете какие? Три тысячи человек, и каждый второй думает, что у него инфаркт, когда это изжога от шведского стола...

Она говорила без пауз и вообще не давая возможности вставить слово, но не смотря на это я вдруг поймала себя на том, что улыбаюсь.

— Оля, — я мягко перехватила инициативу, — покажите мне аптеку. Мне нужно знать, что у нас есть и чего не хватает.

— Ой, конечно! Идемте. Только... Ульяна Константиновна, у вас через час общее собрание экипажа. Это обязательно перед каждым рейсом. Капитан проводит лично.

— Хорошо. Успеем.

Я проверила аптеку, а после переоделась в маленькой, чистой каюте с иллюминатором, через который еще было видно кусок причала и море за ним. Надела белую блузку, темные брюки, поверх выданный халат и прикрепила бейджик.

— Ладно, Северина, — сказала я зеркалу. — Поехали. То есть поплыли.

Экипаж собирался группами: официанты отдельно, палубная команда отдельно, артисты… боже, на корабле были артисты, тоже отдельно. Я села с краю, ближе к выходу. Положила на колени папку с регламентом. Через пару минут рядом плюхнулся Кирилл.

— Мам, ты чего такая серьезная?

— Я на работе. На работе я всегда серьезная, — выдала, пытаясь спрятать улыбку.

— Ты везде серьезная. Расслабься, это ж круиз, а не… — он хотел еще что-то добавить, но дверь в зал открылась и все притихли.

— Старший помощник капитана Батурин Игорь Семенович, — объявил он. — Прошу внимания, для начала — представлю старших офицеров… Главный инженер, шеф-повар (тот самый неаполитанец — встал, поклонился, зал захлопал). Круизный директор. Я ждала своего представления, судовой врач входит в состав старших офицеров, и меня тоже представят. Процедура.

— ...и наш судовой врач — Ульяна Константиновна Северина, — Батурин кивнул в мою сторону. А теперь — наш капитан, Андрей Викторович Воликов.

Дверь открылась и вошел… он!

Хорошо. что я успела приземлиться на стул, честное слово! Парадная форма… она ему всегда шла, темные волосы — коротко стриженные, как у Кира, но уже с серебром на висках, скулы у него теперь были чуть резче скулы, и немного глубже складки у рта. а еще глаза… Те самые серые глаза. Он обвел взглядом зал, слева направо, скользнули по рядам, добрались до края, где я сидела… и остановились.

Весь окружающий меня мир с его шепотками, гулом и звуками выключился.

Я кажется даже дышать перестала! Во всем зале, на всем корабле, во всем сочинском порту были только его глаза и двадцать лет между нами… как океан, который не переплыть.

Конечно же он узнал меня. Я видела как дрогнула линия челюсти, как на долю мгновения расширились зрачки, а правая рука — та, что лежала на папке с документами — сжалась в кулак. А потом его глаза двинулись дальше. Он подошел к подиуму и начал свою речь:

— Рад приветствовать экипаж, — он продолжал говорить, но я не разбирала слов, просто слушала голос. Его голос… с хрипотцой, которой не было раньше. — Рейс будет долгим, — долетело до меня, — три недели, восемь портов, три тысячи пассажиров. Работаем слаженно и все пройдет гладко.

После его речи собрание продолжалось. Батурин говорил про маршрут и расписание, про правила. Я не слышала ни слова! Сидела и смотрела перед собой, и в голове — пусто, звон, белый шум, как в палате интенсивной терапии, когда монитор показывает прямую линию.

Не может быть. Не может быть. Не может быть…

Воликов капитан этого корабля. Мужчина, от которого я родила сына и мой сын…наш сын, о котором он не знает, сидит рядом со мной и что-то рассказывает про учения.

— Мам? Мам, ты в порядке? — Кирилл тронул меня за плечо.

— Я... да. Все нормально. Просто...

— Что?

Я посмотрела на сына. На его серые глаза, точь в точь отцовские и поняла в какой же я заднице!

— Просто укачало, наверное, мы ведь уже отчалили?

— Пока нет. Через полчаса…

— Ну значит, заранее укачало. Профилактически.

Кирилл посмотрел на меня с подозрением, выгнув вопросительно бровь.

— Мам, ты точно в порядке?

— Да, Кир. Иди на свой пост, а мне нужно в лазарет, скорее всего дамы с давлением уже обивают мой порог.. — Я вышла из зала. Коридор был пуст, все расходились по местам. Я прислонилась к переборке и закрыла глаза. — Я справлюсь и с этим.

Три недели. Двадцать один день. Он — на мостике. Я — в лазарете. Между нами двенадцать палуб, как никак. У на просто не будет поводов встречаться. Нет, ну, наверное он что-то скажет, на планерках или как оно у них называется или после нее, и на этом все. Главное, чтоб Кирилл не спалился!

Кирилл

Я стоял у двери конференц-зала и смотрел, как мать идет по коридору. Что ж, как я и предполагал, он узнал ее, а она узнала его.

Значит, правда. Все правда — бабушкина фотография, форумы ВМФ…

Я вышел на палубу. Порт уползал назад. Корабль разворачивался, выходя из бухты. Усмехнувшись, достал телефон.

«Этап один — выполнен. Оба на борту и походу в крайнем шоке. Пока не разговаривали. Наблюдаю.»

Отправил в чат.

Ответ от Лехи через минуту: «Братан, ты или гений, или псих. Держи в курсе.»

От Димки: «А если капитан тебя вычислит — он тебя за борт выкинет, ты в курсе?»

Я усмехнулся и спрятал телефон.

Может, и выкинет. Но сначала пусть посмотрит на мою мать и поймет, что потерял.

А потом пусть попробует снова отпустить.

Я развернулся и пошел на свой пост. Впереди — Стамбул, а у меня двадцать один день чтобы свести маму и отца вместе.

Операция «Попутный ветер» пока идет по плану.

Глава 3

Андрей

Я вывел корабль из порта на автомате: команды рулевому, согласование с лоцманом, контроль скорости, связь с портом… Да и голос звучал ровно, он меня не подводил ни разу, ни на учениях, ни в шторм, ни когда в Баренцевом море нам пропороло борт и я двенадцать часов держал экипаж одним только голосом, пока не пришла помощь. Мой голос — инструмент, отточенный двадцатью годами службы. Он не дрожит и не срывается. Никогда и ни за что не выдаст то, что чувствую.

А вот внутри — другое дело.

Внутри у меня все горело и взрывалось в эмоциональном шторме.

Ульяна…

Воспоминания о ней я двадцать лет держал в самом глубоком трюме, под замком, под тремя слоями стали, а ты смотри, от одного взгляда на нее все рванулось наружу с такой силой, что я еле удержал лицо. Пока выдавал привычную приветственную речь все думал: вот оно, то чего ты боялся. Не шторма, не отставки или одиночества, а того, что однажды она снова окажется рядом, и ты поймешь, что ни черта не прошло.

Ни черта не прошло.

Она сидела в третьем ряду, у стены. Темные волосы, белая блузка с накинутым халатом поверх. Прямая спина и тонкие запястья… я узнал бы эти запястья из тысячи, потому что когда-то, в другой жизни, целовал каждую косточку на них и считал вслух, а она смеялась: «Воликов, ты сумасшедший», а я отвечал: «Виноват, исправлюсь», и зацеловывал еще больше прежнего.

Двадцать лет…

Ей было двадцать, когда я видел ее в последний раз. Стоя на палубе уходящего корабля, я смотрел на берег и искал ее глазами, биноклем, всем, чем мог. Не нашел. Думал — опоздала, а еще надеялся, что придет к следующему заходу, через три месяца, мы все обязательно наверстаем, и я скажу ей то, что не успел, и все будет хорошо. Три месяца, Уля. Слово моряка.

Три месяца я писал ей каждую неделю. Письма вернулись, все до единого. «Адресат убыл». Я звонил — номер не существует, нашел ее подругу Свету, вот она и сказала: «Она уехала. Просила не искать». Я, дурак, все равно искал еще полгода. Потом позвонила мать: «Андрей, она вышла замуж. Забудь. Она сделала свой выбор, и ты сделай свой».

Я сделал. Стал капитаном. Женился на дочери адмирала, а потом развелся. Перешел на гражданский флот. Плавал… Двадцать лет плавал и ни в одном порту мира, от Осло до Сиднея, не встретил женщину, при виде которой мир бы был не важен, только она была моим якорем.

А сейчас она сидит в третьем ряду моего конференц-зала, на моем корабле. И у нее другая фамилия — Северина, не та, что была, и от этой фамилии выкручивало сильнее, чем от встречи. Северина… Вышла таки замуж, мать не соврала. Вышла замуж за какого-то Северина, сменила фамилию, уехала, забыла.

А я не забыл. И это, наверное, самое жалкое, что можно сказать о мужчине, который командует кораблем на четыре тысячи человек.

— Капитан, лоцман сходит, — голос вахтенного вернул меня в рубку.

— Принял. Курс — двести двадцать. Скорость — восемнадцать узлов. Переход до Стамбула — тридцать часов.

— Есть.

Мы вышли в открытое море. Черное и спокойное, апрельское, с ленивой зыбью. Я стоял у панорамного окна рубки и смотрел вперед. Всегда — вперед. Моряк смотрит вперед, потому что берег — это прошлое, а впереди только вода, горизонт и работа.

Но сегодня у меня за спиной, двенадцатью палубами ниже, лазарет. И в этом лазарете — прошлое, которое я не смог утопить ни в одном из четырех океанов.

— Командир, — Батурин возник рядом, как всегда бесшумно для своих ста десяти килограммов. — Разрешите?

— Слушаю.

— Судовой врач просит согласовать расписание медосмотров экипажа. Принять?

— Пусть все согласует через вас, Игорь Семенович, у меня навигационный план. — Это было бы правильно и по уставу. Капитан не обязан лично согласовывать каждую бумажку, для этого есть вертикаль командования.

Батурин не ушел. Стоял рядом и молчал тем своим фирменным безмолвием, которое я научился читать за пятнадцать лет совместной службы. Молчание означало: «Я не дурак, и ты не дурак, и мы оба знаем, что ты сейчас где-то лукавишь или у тебя есть какой-то интерес».

— Что? — спросил я, не поворачиваясь.

— Ничего, красивая женщина. Доктор наш.

— Игорь…

— Все-все. Молчу. Навигационный план — дело святое.

Он ушел. Я остался, уже который раз за час стискивая кулаки. За окном темнело — апрельские вечера на Черном море короткие, солнце садится быстро, как военный, получивший приказ.

Батурин видимо все понял, да и имя у нее редкое, Ульяна… Он единственный человек, которому я когда-то рассказал. Было это лет десять назад, после развода и бутылки коньяка, которую мы распили вдвоем в моей каюте на «Адмирале Кузнецове». Я тогда был в таком состоянии, что мне было все равно, и я рассказал. Про девочку из Севастополя и лучшее мое лето. Про письма без ответа и ее замужество.

Я посмотрел на часы. Двадцать два тридцать. Вахта у меня до полуночи, потом смена, хотя вряд ли я сегодня рухну на койку, подружкой мне станет бессонница, и я уже знал это, как знают прогноз погоды: ночью — ясно, ветер — штиль, сон — отсутствует.

Капитанская каюта на «Северной Звезде» была просторной, строгой, с панорамным окном на нос корабля. За окном сейчас были чернота и звезды. На столе — навигационные карты и личное дело судового врача. Я достал его из общей папки еще днем, придумав для себя же обоснуй: «Стандартная процедура, капитан обязан знать свой экипаж».

Северина Ульяна Константиновна. 1985 года рождения. Окончила Кубанский медицинский университет. Врач-терапевт высшей категории. Стаж — пятнадцать лет. Краснодарская городская клиническая больница. Не замужем.

Я перечитал.

Не замужем…

Не «разведена». Не «вдова». Не замужем. Графа «семейное положение» — пуста. Никакого Северина не значится. Пряталась она что ли, мамкину девичью взяла?

Я закрыл папку. Открыл. Закрыл.

Так, это не мое дело, двадцать лет прошло. Она — судовой врач, а я капитан. Профессиональные отношения. Три недели и все. Она вернется в свой Краснодар, я — в следующий рейс. Точка.

Куда там, мысли назойливо таранили башку. Я встал, вышел на верхнюю палубу и подошел к борту. Посмотрел вниз — далеко внизу, на прогулочной палубе, кто-то стоял у перил. Тонкий силуэт и темные волосы, которые трепал ветер.

Она.

Она стоит и смотрит туда, где же не было видно берег. Как двадцать лет назад — я стоял на корме и смотрел на берег, выискивая ее глазами…

— Дурак ты, Воликов. Иди спать лучше, а не все эти бредни в голове крути!

Утром из зеркала на меня смотрел мужик, которому я не очень нравился. В сорок два у меня уже была седина на висках и морщины у глаз, оно и понятно, от ветра и солнца, от черт знает чего еще.

— Так, собирайся. И кончай эти нюни, ты справлялся с Баренцевым морем, — строго сказал отражению в зеркале. — Справишься и с женщиной в лазарете.

На мостике все было штатно. Мы шли по курсу, погода была ясной, идеальные условия. Море было как стекло и пока я него глазел, Батурин доложил утреннюю сводку, а потом, добавил буднично, как будто речь шла о замене лампочки в коридоре:

— Капитан, плановый обход лазарета. Стандартная процедура, первый день рейса. Можете отправить меня или...

— Я проведу обход лично.

Батурин даже не поднял бровь. Просто кивнул. Актер, из него вышел бы отличный актер, если бы не ушел в море.

— Есть, капитан. В десять ноль-ноль устроит?

— В десять ноль-ноль.

Три с половиной часа. Три с половиной часа, чтобы собраться. Я провел три с половиной часа на мостике, проверяя то, что не нуждалось в проверке: радар, эхолот, систему GPS, журнал вахты. Вахтенный офицер смотрел на меня с тихим ужасом — капитан лично перепроверяет показания приборов, значит, либо война, либо проверка, либо конец света.

Ни то, ни другое, ни третье. Просто капитан не может усидеть на месте, потому что через три часа пойдет в лазарет на встречу с прошлым.

Десять ноль-ноль…

Коридор третьей палубы и перед моими глазами дверь с табличкой «Медицинский центр». Я остановился перед ней и поправил китель, черт его знает зачем, китель на мне сидел идеально, знаю же.

Постучал и не дожидаясь разрешения вошел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.